

Х. Ф. Фермойлен

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПОНЯТИЯ VOLKERKUNDE (1771—1843)**

(Возникновение и развитие понятий
«Volkerkunde», «Ethnographie»,
«Volkskunde» и «Ethnologie»
в конце XVIII и начале XIX веков
в Европе и США)¹

Вопреки распространенному мнению о молодом возрасте этнографии, наука о народах не так уж молода. Если согласиться с утверждением, что она уже существовала, когда были сформулированы ее названия — этнография и этнология, тогда можно отнести возникновение этой дисциплины к концу XVIII века. На конференции в Мюнхене в октябре 1991 г. я показал, что термины *Volkerkunde* и *Ethnographie* появились в Геттингене в 1771 году. Их предложил немецкий историк и лингвист проф. А. Л. Шёльцер. Термин *Volkskunde* впервые появился в 1782, также в Геттингене. Термин *Ethnologie* возник в 1783 в Вене, чуть позже, в 1787, — в Лозанне (Швейцария) и Галле (университетский город в Восточной Германии). Таким образом, мы пришли к выводу, что научная дисциплина, получившая названия «этнология» или «этнография» (переводы на греческий немецких понятий *Volkerkunde* и *Volkskunde*), оформилась в 1771—1787 гг. как характерная для эпохи Просвещения попытка упорядочить накопленные данные о народах (*die Volker*), которая была сделана на основе прежних исследований, потребовавших теоретического пересмотра.

Откровенно говоря, это «ретическое» суждение. Обычно полагают, что антропология — это сравнительное изучение различных обществ, начало которому было положено в середине XIX в. трудами Тайлора, Моргана, Макленнана и Бастиана. Этот взгляд разделяет большинство антропологов во всем мире; на нем же строятся университетские курсы антропологии. Согласно другому мнению, распространенному, главным образом, среди историков науки, антропология обрела свою самостоятельность как научная дисциплина в 1830-х и 1840-х годах с появлением специальных этнографических музеев и организацией в 1839—1843 гг. первых этнологических обществ. Сторонники этого взгляда подчеркивают также, что кафедры этнографии начали создаваться в университетах в конце XIX и начале XX вв.

Несмотря на то, что подобные выводы отличаются завидной определенностью, я бы сказал, что предложенные в них датировки все же не точны и не дают представления о предшествующем ходе развития дисциплины. Так, есть основания считать, что Тайлор и Морган не занимались исключительно «другими» обществами, а смотрели более широко, уделяя внимание и западным, «развитым» обществам, хотя и Тайлор, и Бастиан основывали свои работы на исследованиях, часть которых была сделана веком раньше. Поэтому я предлагаю рассмотреть более детально период, когда еще не были опубликованы сочинения «отцов-основателей» антропологии, т. е. конец XVIII и начало XIX в. Это расширит временные границы и поможет лучше понять происходившее в дальнейшем — в конце XIX и начале XX в.

В такой расширенной перспективе можно историографически оценить антропологию, т. е. рассмотреть возникновение и развитие основных понятий, которыми пользуется эта наука. Хотя анализ истории понятий (*die Begriffsgeschichte*) представляет немалые трудности, все же очевидно, что он имеет большой исследовательский потенциал, особенно если рассматривать историю научных концепций как отражение более широких общественных процессов.

Этот метод не нов. В истории этнографии много внимания уделялось сопоставлению понятий *Volkerkunde*, *Ethnologie*, *Ethnographie* между собой и с понятиями *Volkskunde* и *Antropologie* с точки зрения их значения и хронологии появления². Тем не менее полемика вокруг истории этих терминов не утихает, причем ее нередко подогревает и националистический пыл³. Может быть сейчас, когда идет процесс объединения Европы, пришло время вновь обратиться к этим проблемам, но уже с позиций историзма. В дальнейшем изложении я рассмотрю более подробно происхождение и содержание терминов *Volkerkunde*, *Ethnographie*, *Volkskunde* и *Ethnologie* и постараюсь связать эти процессы с более общими понятиями, такими как *рационализм* и *эмпиризм*, с одной стороны, и *расизм* и *национализм*, с другой.

Появление понятия *Volkerkunde* (1771—1791)

Как было сказано ранее, термины *Volkerkunde* и *Ethnographie* впервые появились в работах историка и лингвиста Августа Людвига Шёльцера, профессора Геттингенского университета, который работал в Геттингене и Санкт-Петербурге в 60-х годах XVIII в. В серьезной книге по истории северных государств — «*Allgemeine Nordische Geschichte*», изданной в Галле в 1771, в которой Шёльцер сделал попытку заново написать историю северной и восточной Европы и России, включая Сибирь и Монголию. Он использовал термины *Volkerkunde* и *Ethnographie* как эквиваленты. Шёльцер также употреблял эти термины в другой своей книге, над которой работал тогда же, — «*Vorstellung seiner Universal-Historie*» (Геттинген, 1772) и внимание к которой привлек Штагль⁴. Абсолютных доказательств того, что введение терминов *Volkerkunde* и *Ethnographie* — заслуга Шёльцера, не существует, есть косвенные подтверждения этого. Во-первых, Шёльцер предьявил права на термин «*ethnographisch*» в полемике с Иоганном Готфридом Гердером в 1772—73 гг. (на что указывает Штагль). Во-вторых, Шёльцер использовал понятия *Volkerkunde* и *Ethnographie* и производные от них *ethnographisch* и *Ethnograph* (!) гораздо чаще, чем его последователи. Известно, что он прекрасно писал и любил изобретать новые слова. В-третьих, эти термины фигурируют в самых значимых разделах его работ и указывают на желание ученого переписать мировую историю с позиций этнологии, т. е. не упускать из виду и историю народов (*die Volkergeschichte*). С этой целью Шёльцер разработал этнографический метод, которым пользовались его ученики еще и в XIX веке.

Идея о необходимости изучать параллельно с историей государств и историю народов была уже высказана старшим коллегой Шёльцера, геттингенским историком И. Кр. Гаттерером. Гаттерер, возможно, заимствовал термин «*Volkerkunde*» из лекций Шёльцера или из личного общения с ним и использовал его в том же, 1771 г., в сочинении «*Einleitung in die synchronistische Universalhistorie*» («Введение в синхронную универсальную историю»). Еще раз этот термин был применен им в реферате о состоянии географии (*Abriß der Geographie*, изданном в 1775—1778 гг.) вместе со словом *Ethnographia* и как эквивалент ему. Уместно заметить, что Гаттерер относил эту дисциплину не к истории, а к географии. Хотя география, с его точки зрения, была вспомогательной для истории дисциплиной (*Hilfswissenschaft*), тем не менее этнографию он не считал возможным причислять к историческим наукам, якобы вследствие того, что у многих народов, которые она призвана изучать, нет письменной истории. Географическая концепция этнографии Гаттерера оставалась влиятельной в Германии по крайней мере до Ратцеля.

Центром развития дисциплины «*Volkerkunde*» или «*Ethnographie*» в первую очередь был Геттинген. Это был молодой университет, где царствовал академический либерализм, где бережно собирались коллекции книг, картин и артефактов и где просветительские принципы рационализма и эмпиризма служили инструментами образования элиты и развития общества. Геттингенский

университет, открытый в 1737 г., достиг первого пика своего развития уже в 1770-х — 1780-х гг. и активно участвовал в процессе, известном как немецкое Позднее Просвещение.

Вторым фактором, сыгравшим, вероятно, не менее важную роль в формировании традиций этнографии в Геттингене, явились обширные этнографические исследования, проведенные в Российской империи. В XVIII в. Россия превратилась в многонациональное государство, и интенсивное изучение разных населявших ее народов с целью наилучшего управления ими было одним из направлений официальной политики. Начиная с 1720 г., Императорской Академией наук были предприняты многочисленные экспедиции, наибольшее число которых пришлось на 1780-е гг.⁵ Кроме геополитических, экспедиции преследовали и научные цели: изучение естественной истории, географии, истории, языков и народов, — причем это активно поощрялось. Примечательно, что в этих экспедициях принимало участие немало немецких ученых, снабжавших научную общественность своими путевыми дневниками, полными подробных описаний. Й. З. Мюллер, человек, для которого работал Шёльцер, был одним из них; преемник Мюллера и близкий коллега Шёльцера Й. З. Фишер также участвовал в одной из экспедиций, а его друг и коллега П. С. Паллас стал известным российским исследователем. Шёльцер, сам никогда не путешествовавший, за 5 лет работы в Петербурге познакомился с множеством публикаций о народах, населявших вновь исследованные российские территории.

Третий фактор, сильно повлиявший на формирование этнографии как дисциплины, — это развитие лингвистики. Шёльцер, одаренный лингвист, в первые годы своей научной деятельности внес немаловажный вклад в развитие языкознания. Он обратился к учению Лейбница, согласно которому, для изучения древней истории необходимы не книги и летописи, а сравнение языков. Ученый пересмотрел раннюю историю всех северных народов, что сильно поколебало господствовавшую столетиями генеалогическую концепцию истории, основанную на предвзятом толковании Библии. Моисей, утверждал Шёльцер, не мог ничего знать о Северной Европе, не говоря уже о Сибири, и значит, его генеалогические таблицы в «Книге Бытия», гл. X—XII, не верны. Подобные взгляды, возможно, нашли приверженцев среди некоторых групп геттингенского общества и в других кругах в Германии, особенно среди ученых, которые считали Библию историческим документом, созданным человеком и, следовательно, субъективным и недостоверным.

Еще одним важным фактором оказалось развитие истории и географии. Произошло разделение «полиистории» на разделы и поддисциплины, одной из которых стала этнография как исследование народной жизни (*die Volkergeschichte*). И возможно, именно работы Шёльцера и Гаттерера в этом духе и послужили основой этой новой научной дисциплины. То же можно сказать и о географии, которую Гаттерер считал вспомогательной исторической дисциплиной. Я уже говорил о значении географических, астрономических и естественноисторических экспедиций, проведенных в Российской империи, но, что чрезвычайно важно, изучению народов здесь было уделено особое внимание, что нашло отражение в вопросниках и инструкциях, которыми снабжались участники экспедиций.

Поразительно, как быстро этнографические понятия были восприняты за пределами Геттингена. В 1776 г. термин *Völkerkunde* употребил в своей большой статье о народах Ф. К. Фулд, пастор в маленьком городе Мюльхаузен, поддерживавший тесные научные связи с геттингенской профессурой. В 1781 г. этот же термин использовался в названии широко известного журнала «*Beiträge zur Völker- und Länderkunde*» («Вопросы народо- и земледоведения»), который издавали в Лейпциге между 1781 и 1790 гг. (вышло 14 томов) природовед Иоганн Райнхольд Фостер и его зять, историк Маттиас Кристиан Шпренгель. Продолжение журнала (13 томов) публиковалось в 1790—1793 гг. Оба издателя работали в Галле, но также контактировали с Геттингеном. Наконец, слово *Völkerkunde* встречается в

1782 г. в журнале Й. Б. фон Аркенхольца, работавшего в Дрездене, «Literatur und Volkerkunde» (изданном в Дессау в 9 томах в 1782—1786 гг. с продолжением в 5 томах в 1787—1791 гг.), и в журнале «Magazin der Erd- und Volkerkunde», выходившем в Гиссене в 1783—1784 гг. (хотя его издатель, Теофил Фридрих Ерманн, работал в Страсбурге).

Характерное видоизменение, а точнее, буквальный перевод термина Ethnographie — Völkerbeschreibung — встречается в названии журнала, выпущенного старым знакомым Шёльцера П. С. Паласом в Петербурге в 7 томах в 1781—96 гг., — «Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographische Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie». Это понятие уже появлялось в 1740 г. в рукописном наставлении Г. Ф. Мюллера своему преемнику Дж. Е. Фишеру, а затем вновь встретилось в третьем томе «Beiträge zur topographischen Kenntniß des Russischen Reichs», под редакцией Дж. Г. Георги, выпущенного в С.-Петербурге в 1785—1786 гг.

Любопытно также, что в 1780-х гг. образовалось еще две, можно сказать, вариации на ту же тему. Понятие Volks-Kunde появилось в 1782 г. в журнале Фридриха Эккарда, секретаря университетской библиотеки Геттингена, тесно сотрудничавшего с Шёльцером. Пятью годами позже термин Volkskunde встретился в «статистической» работе Джозефа Мадера, жившего в Праге австрийского профессора (1787), и в 1788 — в популярной статье поэта-романтика из Штуттгарта К. Ф. Д. Шубарта ⁶.

Примерно в это же время родился термин Ethnologie. Впервые его употребил и дал ему определение в 1783 словацкий историк Адам Франтишек Коллар, работавший в Вене. Он определил понятие Ethnologia как «notitia gentium populorumque, sive est id doctorum hominum studium, quo in variarum gentium origines, idiomata, mores, atque instituta, ac denique patriam vetustasque sedes eo consilio inquirunt, ut de gentibus populisque sui aevi rectius iudicium ferre possint» ⁷. Примечательно, что Коллар, возглавлявший императорскую библиотеку в Вене, хвалил работу Шёльцера; Шёльцер же, в свою очередь, цитировал раннее исследование Коллара. Оба ученых занимались одной проблемой — происхождением народов — и прибегали к одним и тем же источникам: словарям, хроникам и грамматикам.

Несколькими годами позже этот термин появился одновременно в исследованиях двух ученых. Швейцарский теолог Александр-Цезарь Шаваннес, работавший в Лозанне, использовал его в своей работе «Essai sur l'éducation intellectuelle» для обозначения «процесса движения народов к цивилизации» (Топинар говорил об этом в 1888 и 1891 гг., но его указание осталось незамеченным). Иоганн Эрнст Фабри из Галле в том же 1787 г. употребил термин Ethnologie как альтернативу Ethnographie и воспринимал его не как обозначение Völkerkunde, а как нечто более глобальное, сочетающее в себе и Völkerkunde, и Volkskunde ⁸. В 1808 г. он включил это понятие в энциклопедию исторических наук.

Такое синхронное употребление термина наводит на мысль, что оба автора позаимствовали его из одного и того же источника. Долгое время считалось, что именно Шаваннес изобрел этот термин, принадлежащий следовательно французскому языку ⁹. Однако работы Коллара дают нам твердое основание считать, что термин порожден немецким языком и что в данном случае первоисточником послужило слово Ethnographie. Фабри получил образование в Геттингене, а Шаваннес читал много немецкой научной литературы и поддерживал тесные отношения с Исааком Изелином, который тоже учился в Геттингене ¹⁰.

Таким образом, следует заключить, что термины Völkerkunde и Ethnographie в качестве эквивалентов друг другу являются самыми давними и наиболее характерными. Они вошли в понятийный аппарат новой науки, изучающей народы (Völker). Понятия Volkskunde и Ethnologie появились позже и как варианты предыдущих. Появление этих четырех терминов указывает на феномен, который можно назвать концептуализацией этнологии.

Различие между Völkerkunde и Volkskunde представляется относительным:

Völkerkunde — это общая описательная дисциплина, изучающая все народы; Volkskunde изучает один народ. Хотя эта формула основана на логическом анализе относящихся к тому времени работ, можно с уверенностью сказать, что различие между «западным» (или «европейским») и «незападным» (или «внеевропейским»), с которым обычно связывают и которым объясняют различие между Völkerkunde и Volkskunde, в период позднего германского Просвещения еще не приобрело того смысла, который оно имеет в наше время. Это противопоставление оформилось в начале XIX в. под влиянием идей романтизма. Под Volkskunde конца XVIII в. не подразумевалось изучение народа или каких-либо классов, считающихся почему-либо отсталыми, в собственной стране исследователя — все это пришло позже. Volkskunde конца XVIII в. — продукт германского Просвещения, а не романтизма (эта идея принадлежит Хельмуту Меллеру из Геттингена, который первым попытался проследить истоки Volkskunde в Германии XVIII в.).

Удивительно, что поздние романисты, такие как Гете, Гердер и др., уделявшие большое внимание изучению народной жизни, народных песен и духа (die Volkroesie) и тем самым внесшие большой вклад в изучение предмета, не употребляли слов Volkskunde или Völkerkunde.

Тем не менее, к этому времени термины привились в кругах научной общности Германии, Австрии, немецкоязычной Богемии, франкоязычной Швейцарии и России, хотя мы располагаем очень небольшой информацией о ситуации в России (как будет показано ниже). Было основано несколько научных журналов, где появились первые обзорные статьи по новому предмету, например «Kurze Übersicht der Völkerkunde» (Краткое обозрение Völkerkunde) Эрманна (1787), который возвращался к этой теме в 1791 г. и в 1808 г., и большая статья его коллеги Фарби. Более того, дисциплина стала известна за пределами Германии: в России, Австрии, Богемии и Швейцарии (хотя во всех случаях через носителей немецкого языка).

Распространение терминов происходило очень быстро, и с 1771 по 1791 гг. они попадают более чем в 40 книгах, журналах, статьях, письмах¹¹. Таким образом, мы заключаем, что к 1791 г. антропология в виде Völkerkunde существовала де факто и де юре: она была концептуализирована и жила своей жизнью.

Принятие и институционализация термина Völkerkunde (1791—1821—1843)

После того, как рассматриваемые нами термины были опробованы и приняты в Германии, России, Австрии, Богемии и Швейцарии, они постепенно проникли и в другие страны Европы и в США. Мы очень мало знаем, как это происходило, но можем сказать наверняка, что за их развитием в Германии внимательно следили за ее пределами. Об этом говорит, например, употребление слова Völkerkunde Йозефом Добровским, известным чешским лингвистом, в одном из писем 1789 г., где он говорит о любителях народоведения и языков («alle Liebhaber der slawischen Völkerkunde und Sprache») ¹². Добровский писал и думал на двух языках, чешском и немецком; другие авторы владели только родным, что будет видно из обзора употребления изучаемых терминов в Нидерландах, Франции, Венгрии, Богемии, Словакии, России, Англии и США.

В Нидерландах слово volkenkunde прозвучало в выступлении некоего Фокке о «eene handel- en volkenkundige reis door geheel Europa» («Коммерческое и этнологическое путешествие по всей Европе»). В 1811 и 1812 гг. слово Volkskunde применили лингвист Буйс и востоковед Вилмет. В 1821 г. преподаватель Р. П. ван де Кастееле, исполнявший также обязанности директора Королевского кабинета диких животных в Гааге, говорил о необходимости создать этнологическую коллекцию («een Ethnologische verzameling»). В 1822 г. историк и географ Н. Г. ван Кампен употребил выражение «Aardrijks- en Völkerkunde» (география и этнография), взяв его из справочника немецкого историка и географа Фабри. В 1824 г. понятие

Ethnographie попало в словарь Вайланда, а в 1826—27 гг. Йоханнесом Оливье издавался журнал под заглавием «Cybele: Tijdschrift ter bevordering van land- en volkenkunde» (вышел в шести выпусках). В ноябре 1830 г. перед членами общества «Diligentia» в Гааге была прочитана самая первая лекция на голландском языке, специально посвященная этому предмету — «Over de Volkenkunde». В 1836 г. появилась первая академическая кафедра этнографии — в Королевской военной академии в г. Бреда, называвшаяся кафедрой «de Maleische taal en de land- en volkenkunde der Oost-Indische bezittingen». Наконец, в 1837 г. основатель «Японского», позже ставшего этнографическим, музея в Лейдене фон Зибольд писал о необходимости создать «Ethnographisch Museum», или «Museum van land- en volkenkunde»¹³.

С Францией все не так ясно. Л.-Ф. Жоффре, один из основателей «Общества наблюдателей над человеком», просуществовавшего недолго, с 1799 до 1804 г., был прекрасно осведомлен о развитии новой науки в Германии и активно читал труды Кристофа Майнерса¹⁴.

Однако слова Ethnographie не было в «Port-feuille géographique et ethnographique» Г. Энгельмана и Г. Бергера до 1820 г.¹⁵. В 1823 г. термин ethnographie попал в словарь Пьера Буаста, а в 1826 он оказался в названии «Atlas ethnographique du globe» итальянского географа Адриано Бальби (хотя это был атлас лингвистических таблиц). После давнего (1787 г.) и быстро забытого случая употребления Шаваннесом термин ethnologie вновь появился в период 1829—1834 гг., в работе физика Андре-Мари Ампера, поместившего эту дисциплину среди «наук о человеке» в своей классификации наук¹⁶.

К этому времени во Франции проявилась тенденция объединять естественную и этническую историю, что придавало концепции этнологии несколько иной смысл. Этнология стала предметом работы Парижского этнологического общества, основанного У. Ф. Эдвардсом и другими его коллегами в 1839 г. с целью изучения «природных условий, нравов и образа мысли, языков и исторических традиций». Такая трактовка термина означала отход от его первоначального смысла, что оказалось особенно существенно, поскольку французское общество стало образцом для подобных организаций в Англии и Америке: Лондонское этнологическое общество было основано в 1843 г., а Американское этнологическое общество — в 1842, в Нью-Йорке¹⁷. Создание этих обществ институционализировало этнологию, но нужно заметить, что в тот период к ней примешивались элементы географии, истории и физической (расовой) антропологии, чего не было ни в прежней, ни в последующей версиях этой науки.

Во Франции и в Нидерландах этнография сохраняла свою независимость от расовой антропологии, что видно по работе Общества американской и восточной этнографии (основанного в 1859 г.) и Королевского института по изучению жителей, земли и культуры Нидерландской Индии (KITLV), основанного в 1851 г. в Дельфте после подготовительной работы, начатой еще в 1844 г. Во французском академическом словаре 1835 г. этнография определялась как «раздел страноведения, предметом изучения которого являются различные народы». В 1831 г. была учреждена комиссия по созданию в Париже музея этнографии, в которую вошли Ж. Кювье и З.-Ф. Жомар. О музее Жомар упоминал в 1845 г. в открытом письме Фон Зибольду по поводу «этнографических коллекций». В 1839 г. Жомар дал свое, более широкое, чем члены Парижского этнологического общества, определение предмета этнологии, включив в него все же и расовый аспект¹⁸.

Учреждение этнологического общества, призванного «проследить расовую историю (европейских) народов», как выразился Топинар, объясняя позицию Эдвардса¹⁹, несколько спутало понятия, поскольку к тому времени физическая история человека изучалась уже полвека и называлась антропологией или «естественной историей человека». Между 1839 и 1871 гг. велись ожесточенные дискуссии по поводу различий в этих подходах, что в конце концов привело к упразднению этнологических обществ и преобразованию их в антропологические. Таким образом, для истории науки важно понять, что создание этнологических

обществ означало отход от географического, исторического и лингвистического аспекта этнографии и приближение ее к физической и расовой этнологии.

В центральной Европе, в частности в Венгрии, понятие этнографии было введено в науку словацким ученым Яношем Чапловичем, написавшим в 1818 г., что народы (*die Volker*) следует классифицировать по их «языку, физическому облику и моральным установкам». В 1820 г. он опубликовал книгу о венгерском национальном костюме на немецком языке под названием «*Ethnographische Erklärung der von Oberslieutenant Heimbacher gezeichneten und in Kupferstichen herausgegeben 78 ungarischen Trachten*», а слово *Ethnographia* употреблял в серии статей, озаглавленной «*Ethnographia ertekezés Magyarorszagrol*» («Этнографическая диссертация о Венгрии») и опубликованной в журнале «*Tudományos Gujteteny*» в 1822 г.²⁰

В Богемии термин «этнография» появился в это же время: Ян Сватоплук Пресл употребил понятие *ethnographia* в качестве эквивалента чешскому *narodopis* в первом выпуске журнала «*Krok. Weregny spis wsenaucny pro Wzdelance Narodu Cesko-Slawanskeho*» (Vol. 1, 1821, P. 10). Термин был повторен в чешско-немецком словаре И. Юнгмана в 1836 (*Slownjk cesko-nemecky. Praha, díl II, S. 611*). Но термин *Volkerkunde* употреблялся и ранее, как показывает упомянутое выше письмо Добровского 1789 г.

Мы уже упоминали словацкого ученого Коллара, который работал в Вене, а писал на латыни. Он подписывался «*Hungarus*», но современники называли его «словацким Сократом»²¹. Его соотечественника Чапловича тоже считали венгром, и писал он по-венгерски, хотя в это время уже начинали признавать словацкую идентичность саму по себе.

У нас очень мало сведений о России, но они чрезвычайно существенны. Понятие «*Ethnographie*», сформулированное, вероятно, в связи с экспедициями по новым землям Российской империи, появилось в 1836 г., когда организовалось этнографическое отделение в Географическом музее при Эрмитаже. Эта дата важна и сама по себе, поскольку она доказывает, что Петербургский музей — старейший этнографический музей мира: два других музея, претендующие на первенство, Лейденский и Копенгагенский, были основаны в 1837 и 1846 гг. соответственно²². Эти немногие сведения наверняка лишь пресловутая вершина айсберга, поскольку понятие *Volkerbeschreibung* встречается уже в 1740 г., в тексте наставлений немецкого историка и географа Г. Ф. Мюллера И. З. Фишеру, своему преемнику в качестве участника второй Камчатской экспедиции²³. Через 40 лет мы находим его в названии уже упоминавшегося журнала Питера Симона Палласа («*Neue Nordische Beytrage*», 1781—1796) и в третьем томе «*Beitrag zur topographischen Kenntniß des Russischen Reichs*», написанном Й. П. Фальком и изданном Й. Г. Георги (оба участвовали во второй Оренбургской экспедиции). Подзаголовок тома — «*Beitrag zur Thier-Kenntniß und Volker-Beschreibung*» (1786); это *Volker-Beschreibung*, есть точный эквивалент понятия *Ethnographie*. Знаменательно, что находим мы данные термины в контексте русских естественно-исторических, географических и этнографических исследований XVIII в. Мы не будем удивлены, обнаружив при дальнейших изысканиях и другие свидетельства давнего бытования этих понятий в русской литературе. А может быть, и само слово было изобретено в недрах международного научного сообщества Санкт-Петербурга, а уж потом появилось в геттингенской публикации 1771 г.

В Соединенных Штатах слово *Ethnology* встречается в вопроснике, выданном участникам экспедиции Льюиса и Кларка в 1802 г., где было «Приложение. Этнологическая информация, которую желательно получить»²⁴. В словаре Ноя Уэбстера в 1828 г., куда слово было включено, оно определялось как «исследование наций». (*An American Dictionary of the English Language, New-York, 2 vols.*) В Англии термин был принят позднее. Слово «этнография» попадает во втором выпуске журнала «*Penny Cyclopaedia*», издаваемого неким Найтом; в 1836 г. оно появилось в обращении кардинала Николаса Уайзмана «О связи между наукой и Божественным Откровением», а также в третьем издании «Исследований по физической истории человечества» известного историка естествознания Джеймса Коулеса Причарда.

Мы не можем предложить исчерпывающего объяснения того факта, что до Англии так долго доходил наш термин, однако мы видим, что значение, которое он приобрел в 1830-х и 1840-х годах, сильно отличалось от смысла, придаваемого ему в Германии, Франции (отчасти), Нидерландах и в странах Центральной Европы. Наши данные подтверждают мнение Стокинга, что термин «этнология» был «еще нов для Англии», когда Ричард Кинг обнаружил планы по созданию в Лондоне этнологического общества²⁵. Но следует подчеркнуть, что трактовка Кинга («Этнология: естественная история человека»), хотя и не противоречит взглядам Эдвардса, все же предполагает отступление от первоначального содержания понятия этнографии как «Volkerkunde». Об этом говорит и определение Уэбстера 1828 г. — «этнология — исследование наций»²⁶, и объяснение этнографии в Penny Cyclopaedia 1834 г. как «нациоописания»²⁷. С другой стороны, определение этнографии, которое дал Уайзман в 1836 г., — «классификация наций, основанная на сравнительном изучении языков»²⁸ — ближе концепции Бальби 1826 г. и восходит к идеям Шёльцера 1771 г.

В скобках заметим, что понятие *folk-lore* (или *folk-wisdom* — «народная мудрость») было предложено Уильямом Дж. Томсом («Atheaeum», 22 августа 1846 г.) для выражения того смысла, который старый немецкий термин *Volkskunde* успел приобрести к этому времени.

* * *

Как мы видим, этнология в 1770—1780-х годах понималась как историко-описательное изучение народов, но в 1820—1830-х годах и физические характеристики народов стали частью предметной области этнологии. Возникшая путаница привела к тому, что в 1871 г. в Англии и в 1885 г. во Франции понятие этнологии предпочли понятие антропологии²⁹. В этой антропологии физический аспект присутствовал гораздо явственнее, чем в этнологии, но зачем была вообще нужна физическая этнология, если существовала физическая антропология?³⁰ В других европейских странах, тем не менее, этнография в основном оставалась «Volker-Beschreibung», или «нациоописанием»; проблема была только в том, что глагол *logos* в составе термина «этнология» предполагал наличие теоретической дисциплины. Именно теорию и создали Бастиан, Тайлор, Морган и другие.

Но начало XIX в. ознаменовано не только появлением этнологических теорий. В этот период в большинстве европейских стран поднял голову феномен национализма, отчасти подержанный политическими решениями Венского конгресса³¹. В свете этого чрезвычайно интересно, что в 1820-х годах понятие этнографии вновь появилось в Центральной Европе, в двух странах, входивших в Австро-Венгерскую империю, и в обеих странах в формах, адаптированных к собственным языкам: *Ethnographia* в Венгрии (в 1822 г. у Чапловича) и *parodopsis* в Богемии (в 1821 г. у Пресла).

Примечания

¹ Доклад, прочитанный на второй двухгодичной конференции EASA в Праге, 28—31 августа 1882 г. Автор выражает благодарность Немецкой организации по научному обмену (DAAD) в Бонне, Голландской организации научных исследований (NWO) в Гааге и Центру незападных исследований (CNWS) в Лейдене за предоставленную возможность проводить исследования в Германии.

² См. *Hunt J. President's Address*//Journal of Anthropological Society of London. 1865. Т. III. P. LXXXV—CXII; *Bendyshe Th. The History of Anthropology*//Memoirs Read Before the Anthropological Society of London, 1865; *Topinard P. Anthropologie, ethnologie, ethnographie*//Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris, 1876. Т. II, 2-е сеире. P. 199—215; *idem. Elements d'anthropologie general. Paris, 1885; idem. Un mot sur l'histoire de l'anthropologie en 1788*//Revue d'Anthropologie. 1888, 3-е serie. Т. 3. P. 197—201; *idem. L'Homme dans la nature. Paris, 1891; Bastian A. Die Vorgeschichte der Ethnologie. Deutschland's Denkfrenden gewindmet fur eine Mussenstunde. Berlin, 1881.*

³ *Fischer H. «Volkerkunde», «Ethnographie», «Ethnologie». Kritische Kontrolle der fruhesten belege*//Zeitschrift fur Ethnologie. 1970. Bd. 95. Heft 2. S. 169—182.

⁴ *Stagl J. August Ludwig Scholzers Entwurf einer «Volkerkunde» oder «Ethnographie» seit 1772*//Ethnologische Zeitschrift Zurich, Heft II. S. 73—91.

- ⁵ *Donnert E.* Russland im Zeitalter der Aufklärung. Leipzig, 1983.
- ⁶ См. *Kutter U.* Volks-Kunde — Ein Beleg von 1782//*Zeitschrift für Volkskunde*, 75, 1978, S. 161—166; *Moller H.* Volkskunde, Statistik, Volkerkunde 1787//*Zeitschrift für Volkskunde*, 60(2), 1964. S. 218—233; *Narr D. & Bausinger H.* «Volkskunde» 1788//*Zeitschrift für Volkerkunde*, 60(2), 1964. S. 233—241.
- ⁷ *Historiae iurisque publici regni Ungariae amoenitates.* Vindobonae, 1783, P. 80. Этой отсылкой я обязан моим коллегам Смитеку и Езернику из Словении и Сковеровой и Профантовой из Словакии. Этот первый, не известный западным ученым случай применения термина «Ethnologie» был обнаружен Тибенским (1978); см. также *Belaj V.* An Argument for Ethnology as a Historical Science Concerning Ethnic Groups//*Studia Ethnologica.* Zagreb, 1989. Vol. 1. P. 9—17.
- ⁸ *Lutz G.* Johann Ernst Fabri und die Anfänge der Volksforschung im ausgehenden 18. Jahrhundert//*Zeitschrift für Volkskunde*, Stuttgart, 1973. Bd. 69. S. 24.
- ⁹ *Topinard P.* Op. cit.
- ¹⁰ Из личной беседы с Юстином Штаглем.
- ¹¹ *Vermeulen H. F.* Frühe Geschichte der Volkenkunde oder Ethnographie in Deutschland, 1771—1791//*Volkerkunde Tagung.* München, 1991.
- ¹² Die Briefwechsel zwischen Josef Dobrovsky und Karl Gottlob von Anton. Berlin, 1959. S. 12.
- ¹³ *Josselin de Jong P. E. & Vermeulen H. F.* Cultural Anthropology at Leiden University. From Encyclopedism to Structuralism//*Leiden Oriental Connections, 1850—1940.* Leiden, 1989. P. 281—286.
- ¹⁴ *Rupp-Eisenreich B.* The «Société des Observateurs de l'Homme» and German Ethno-Anthropology at the end of the 18th Century//*History of Anthropology Newsletter*, 10(1), 1983. P. 5—11.
- ¹⁵ *Blanckaert C.* On the origins of French Ethnology. William Edwards and the Doctrine of Race//*Bones, Bodies, Behavior. Essays on Biological Anthropology.* Madison, 1988. P. 26.
- ¹⁶ *Rohan-Csermak G. de.* La première apparition du terme «ethnologie»//*Ethnologia Europaea.* 1967. 1(3). P. 170—184; *idem.* Ethnographie//*Encyclopaedia Universalis.* 1970. V. 6. P. 704—707.
- ¹⁷ *Muhlman W. E.* Geschichte der Anthropologie. Frankfurt, 1968, S. 77—79; *Stocking G. W.* What's in a name? The origins of the Royal Anthropological Institute (1837—1871)//*Man.* 1971. 6(3) P. 363—390; *Blanckaert C.* Op. cit. 1988.
- ¹⁸ *Fischer H.* Op. cit. S. 178.
- ¹⁹ *Topinard P.* Elements d'anthropologie... P. 119.
- ²⁰ *Rohan Csermak G. de.* Ethnographie. P. 705; *Podolak J.* Die Bedeutung der Volkskultur in der slowakischen nationalen Aufklärung//*Ethnologia Slavica.* 1988. T. XX, P. 230.
- ²¹ *Tibensky J.* Slovensky Socrates. Zivot a dielo Adama Frantiska Kollara. Bratislava, 1983; «Barokivny historizmus» a zaciatky slovenskej slavistiky//*Studie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia.* Bratislava, 1978. P. 93—124.
- ²² *Ave J.* Ethnographical Museums in a Changing World//*From Field-case to Show-case. Research, Acquisition and Representation in the Rijksmuseum voor Volkenkunde.* Leiden, 1980. P. 11—27.
- ²³ *Russow Fr.* Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg//*Сборник Музея по антропологии и этнографии при императорской академии наук.* I, 1900. S. 1—154.
- ²⁴ *Hallowell I.* The Beginnings of Anthropology in America//*Selected Papers from the American Anthropologist, 1888—1920.* N. Y., 1960. P. 26.
- ²⁵ *Stocking G.* Op. cit. P. 372.
- ²⁶ *Lutz G.* Johann Ernst Fabri und die Anfänge der Volksforschung im ausgehenden 18. Jahrhundert//*Zeitschrift für Volkskunde*, Stuttgart. Bd. 69, 1973. S. 20.
- ²⁷ *Bendyshe Th.* Op. cit. P. XCII.
- ²⁸ *Hunt J.* Op. cit.: *Topinard P.* Elements... P. 122.
- ²⁹ *Fischer H.* Op. cit.; *Stocking G.* Op. cit.
- ³⁰ *Topinard P.* Elements d'anthropologie... P. 215.
- ³¹ *Lemberg E.* Geschichte des Nationalismus in Europa. Stuttgart, 1950; *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.

Origin and Institutionalization of Volkerkunde (1771—1843)

The concepts of «Volkerkunde» and «Ethnographie» were introduced as equivalent by the German linguist and historian A. L. Schloetzer in 1771 in Göttingen. The concept «Volks-Kunde» first appeared in 1782 also in Göttingen, whereas the term «Ethnologia» appeared in Vienna in 1783. All these concepts referred to the historic and descriptive study of peoples or nations. The difference between «Volkerkunde» and «Volkskunde» was that the first applied to the study of all the peoples, while the second to the study of one people only. Thus, at the end of the XVIII century the distinction between Western (Volkskunde) and Non-Western (Volkerkunde) did not have the significance it later acquired. The processes of the formation and adoption of the four concepts as well as growth and transformation of the idea of a Volkerkunde are outlined.

H. F. Vermeulen